

максим кантор

АЗАРТ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К19

Азарт

*Дизайн обложки Яны Паламарчук.
В оформлении использована картина
Максима Кантора «Человек и Море».*

Кантор, Максим.

К19 Азарт [роман] / Максим Кантор. – Москва: Издательство АСТ, 2017. – 320 с.

ISBN 978-5-17-102176-4

Молодой андеграундный художник, после развала Советского Союза становится востребованным в Европе. Среди прочих предложений он получает и такое — пожить в Амстердаме на яхте в своеобразной творческой коммуне. Ничто не предвещало, что приглашение провести время на море в компании людей искусства приведет героя к размышлениям о глобальных вопросах, а роман, начинавшийся как остроумный рассказ о бытовых неудобствах, превратится в мощную в притчу о строительстве ковчега и о месте человека в этом мире.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-102176-4

© Максим Кантор, 2017
© ООО «Издательство АСТ», 2017

*Эрику Хобсбауму, который обещал
показать мне карту Утопии,
а потом взял и умер.*

Глава первая

Приглашение

Когда я получил приглашение на яхту Августа, то не удивился.

В тот год было много экстравагантных приглашений. Таланты, что чувствовали себя невестребованными советской властью, стали получать приглашения с Запада, мол, именно вы нам и нужны, — богачи звали в свободный мир на выставки, во дворцы и на яхты.

Я был молод, мира за пределами Московской кольцевой дороги не знал, но мои картины стали выставлять в Европе. Приглашения посыпались внезапно: вот позвали на выставку в Гамбург, вот парижская графиня мечтает познакомиться; вот Венецианская биеннале приглашает. В общем ряду приглашение на яхту в Амстердамском порту не выглядело странным.

Условия тоже не напугали. Владелец корабля предлагал следующее: я живу в предоставленной

мне каюте в течение шести недель, пишу картины на свое усмотрение, три картины оставляю голландцу в качестве платы за гостеприимство. Все, что нарисую сверх того, является моей собственностью — могу посылать в музеи или продавать на рынке.

Письмо-приглашение было отпечатано на квадратном кусочке картона красного цвета, а мое имя было вписано от руки. Это указывало на то, что приглашен не только я — или приглашают художников на яхту регулярно. Почему картон красный? Видимо, владелец яхты таким образом маркировал приглашения художникам из освобожденной, некогда коммунистической, России. Возможно, приглашения китайским мастерам он посылает на картоне желтого цвета. А в Африку — какие? Он же наверняка мыслит глобально и собирает у себя весь интернационал.

Как будет организована мастерская на яхте, мне было безразлично: уж если у богача имеется яхта с лишней каютой, то как-нибудь и мольберт с красками он сумеет приобрести. Голландские краски, знаменитая фирма «Рембрандт» — кто из нас не мечтал о таком тюбике. Живопись на корабле — отчего бы нет? Клод Моне, например, писал свои водные феерии прямо с лодки, даже есть такая картина: плывет по реке парусник, а на борту Клод Моне в панаме рисует.

В каких водах будет находиться судно, сказано не было, но, зная из журнальных публикаций о причудах богачей, я вообразил себе южные моря.

Яхта приписана к Амстердамскому порту, пришвартована в Голландии, оттуда, вероятно, пойдет через Северное море до Рейна, спустится к Дунаю... Далее знание географии не пускало. Но точно в Средиземное море выйдем, а там к Эгейскому, Ионическому... да и Карибское где-то рядом. Яхта будет дрейфовать меж коралловых рифов, матросы будут нырять за жемчугом, кок сварит черепаховый суп. Шесть недель плавания, шутка ли...

Жена обрадовалась: впереди был полноценный семейный отдых, морской вояж. Жили мы тесно, в одной квартире с родителями жены; наша семейная жизнь не клеилась, я чаще ночевал в мастерской, нежели дома, — отговаривался работой. Морской вояж решал проблемы. Мы ехали семьей, с семилетним сыном, этакая дружная поездка в буржуазный круиз.

— Как вы проводите лето? Снимаете дачу в Кратово?

— В этом году, знаете ли, мы едем на яхте приятелей в круиз. Средиземноморье, может быть, выйдем в Тихий океан... Как сложится.

Мы подумали, что надо бы раздобыть тельняшки: находиться полтора месяца на корабле, среди матросов, в костюме городского обывателя — нелепо. Матросы будут трудиться, лазать по реям (или как это у них называется?), отдавать швартовые, драить палубу — а мы в это время станем прогуливаться вдоль бортов, разряженные и праздные? Нет, я хочу освоить морской труд.

Я обратился к своему дяде, капитану первого ранга в отставке — в годы войны крейсер дяди Вити сопровождал полярные конвои из Англии в Мурманск. Однажды крейсер был взорван германской торпедой, дядя Витя тонул, выплыл, получил орден.

Мой план поработать матросом дяде Вите понравился. Он снабдил меня старой тельняшкой и посоветовал идти в северном направлении.

— Идите в Норвегию, — посоветовал дядя Витя. — Вот где красота. Лофотенские острова, айсберги, лед. Пойдете мимо Фарер...

— Дядя Витя, — сказал я, — маршрут намечен, мы идем на юг.

— Жаль, — сказал советский моряк и закурил «Беломор».

Я ненавидел пачку папирос с картой Беломорканала на крышке: путь в Белое море, прорытый заключенными, меня не манил. В те годы многие старики курили «Беломор», и образ Сталина витал над державой.

— Мы пойдем в южные моря, — повторил я.

Я стал читать популярную литературу по географии южных морей и Атлантики. Узнал, в частности, что акулы в акватории Реюньона нападают даже на мелководье. Решил, что отговорю Августа ходить к французскому острову Реюньон, если он, конечно, собирался туда. Впрочем, что загадывать! Когда решаешься на такое приключение, надо отдаться на волю случая.

Мы вылетели в Амстердам шестого августа, взяв с собой три чемодана: в плавании ребенку может понадобится масса разных вещей; книжки и учебники тоже нужны; а лекарства? Сапоги бахилы — чтобы ходить по палубе, когда яхту заливают высокая волна; теплые свитера и куртки — если холодный ветер; плащи с капюшонами — на случай штормов.

С этим неподъемным скарбом мы приземлились в Схипхале, оттуда автобус нас подвез к центральному вокзалу; далее следовало идти пешком — так гласила инструкция.

Разумеется, до вылета я позвонил по указанному на красной картонке телефону.

Женский голос ответил мне по-русски, и наличие русской секретарши обрадовало. Мой английский был плоховат, жена кое-как говорила по-немецки, мы могли остаться непонятыми, но заботливый миллионер, приглашая русского художника, нанял русскую секретаршу — сколь предусмотрительно!

Мягкий голос объяснил маршрут; дама рекомендовала сразу же по приезде направиться в их бюро (оно расположено недалеко от вокзала), а уже оттуда нас проводят на корабль. Я предупредил, что еду с семьей. Помнится, дама слегка удивилась, но никак не возразила.

Конечно, думал я, ребенок на яхте не вполне уместен. Церемонные обеды в кают-компании, морская работа на палубе, вечерами коктейли, шампанское, легкий флирт; детских развлечений не предусмотрено. Но мы хотели показать сыну

большой мир — да и вообще, куда деть мальчишку на полтора месяца? Секретарь удивилась присутствию ребенка на яхте, но ведь не отказала, — и вот мы приехали втроем и с тремя чемоданами влеклись по кривым набережным от вокзала к дому под номером тринадцать по набережной Принцграхт.

Со времен Рембрандта город почти не изменился; мы шли, словно по выставке малых голландцев, переходя от картины к картине. Вот посмотрели на «Переулок» кисти Терборха, перешли к панораме Вермеера, толкнули дверь кабачка — а там такой Остаде!

В городе клубился тот самый, многими голландскими живописцами воспетый, мокрый серебристый воздух — взгляните на холсты маринистов: они поэтичны и устрашающи одновременно. Видите влажные тучи, висящие над морем, несущие в себе ливень и бурю? Можно назвать их серебристыми облаками, вдохновляющими поэтов, а можно увидеть в них плохо отжатое серое белье, что полощется над городом, — словно нищие прачки развесили нечистые простыни бедняков.

— Гроза будет, — сказала жена.

— Да нет, здесь всегда так, — ответил я, — пугают грозой, а настоящей грозы не бывает. Так, мелкий дождь.

— А ветер сильный.

— Все-таки море.

Близость холодного северного моря, катящего тяжелые волны, повлияло на характер домов:

они сжались в тесную шеренгу, плечо к плечу, чтобы согреться под ледяным ветром. Мы дошли до дома номер тринадцать, все было в точности так, как нарисовано на картинах Яна Стена; он, судя по всему, был парень наблюдательный. Кривая дверь пустила нас в прихожую, и сразу — косые ступени лестницы.

То был узкий, как все амстердамские дома, особняк: всего по одному окну на этаж. Лестницы не просто крутые, но практически отвесные; помню, жена сказала, что морское путешествие началось уже здесь — мы карабкались по ступеням, как матросы по вантам. Я взволок чемоданы на четвертый этаж.

Дверь открыла молодая женщина, даже, скорее, подросток. Впоследствии я узнал, что Саше (ее звали Саша) тридцать лет, но выглядела она лет на пятнадцать: маленькая, щуплая, с прямыми русыми волосами. Взгляд был приветливый и какой-то шальной. Лучшего прилагательного, пожалуй, не подберу. Взгляд был именно не шаловливый и не игривый, а шальной — как ниоткуда налетевший ветер, как матросская пьянка на амстердамской верфи. Саша назвала свое имя и посмотрела прозрачными шальными глазами поверх наших голов в окно — с четвертого этажа открывался вид на канал, а канал этот устремлялся в направлении моря.

Мы прошли в комнату — исключительно бедную комнату, помните, как бывает на картинах малых голландцев: пол, окно, стол, бутылка. Ни ска-терти, ни портьеры, ни абажура.

Жили мы в Москве небогато и тесно, но эти амстердамские апартаменты были беднее наших. Два старых расшатанных стула, грубый стол, ящик, заменявший сундук, и буфет, в котором стояло несколько чашек и четыре тарелки. Я пересчитал все предметы в буфете, впрочем, считал недолго: не было практически ничего. Сколоченный из неструганных досок стол был отполирован временем и руками едоков — помните «Едоков картофеля»? Да, вот еще один голландец, которого я вспомнил в тот день. Именно такой стол там и стоял. Я вспомнил интерьеры раннего Ван Гога, еще до арльского периода, картины, описывающие голландскую нищету.

— Садитесь, пожалуйста, — хозяйка указала нам на стулья, а сама села на ящик (как впоследствии оказалось, с корабельными инструментами. Там имелся даже старый секстант). — Может быть, кофе?

И она обратила шальной взгляд к буфету, в котором не было ничего съестного, и кофе не было тоже. Мы отказались от кофе.

— Сейчас придут девочки и сварят картошку, — сказала Саша.

— Девочки?

— У меня две дочки от первого брака: Алина и Полина.

В этот момент я понял, что перед нами не секретарша миллионера, а его жена.

— С Августом мы поженились два года назад, когда он приезжал в Питер. Это было еще до того, как он купил корабль.

Я не знал, что сказать. Все это выглядело дико и никак не складывалось в общую картину: приглашение рисовать на борту яхты, нищая комната на четвертом этаже, четыре тарелки в буфете, щуплая девочка-подросток и ее муж, который купил корабль.

— Корабль?..

— Вы ведь рисовать на корабле приехали, да?

— Рисовать.

— Вот и отлично. Август считает, что он сумеет выгодно продать картины.

— Еще меня позвали на Венецианскую биеннале, — сказал я, чтобы подчеркнуть свое значение, — и в Париж пригласили.

— Мечтаю съездить в Париж, — сказала Саша. — А в Венеции, говорят, жара. Здесь погода скверная. Девочки все время простужены.

Я стеснялся спросить, существует ли корабль. Саша сама разъяснила ситуацию — ее отличительной чертой была способность говорить о щекотливых вопросах крайне просто, называя вещи своими именами.

— Август получил наследство. Мы очень бедно жили. Двухкомнатная квартира — спальня да столовая, девочек негде положить. Август ведь ничего не зарабатывал, а еще нас троих взял. Голодно жили. Девочки с нами в одной комнате спят. А потом вдруг наследство.

Теперь-то я все понял. Вот оно, преимущество жизни в свободном мире: ты живешь бедно, но честно, потом умирает троюродная бабушка и оставляет тебе капитал.